

Фролов Алексей Владимирович

**АЛЛЕГОРИЗАЦИЯ СТРУКТУРИРОВАННОЙ СВЕРХРЕГЛАМЕНТИРОВАННОСТИ И
ДЕКОНСТРУКЦИЯ БЕССИСТЕМНОСТИ В РАМКАХ ХУДОЖЕСТВЕННОГО НАУЧНО-
ФАНТАСТИЧЕСКОГО МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ АРКАДИЯ И БОРИСА СТРУГАЦКИХ
"УЛИТКА НА СКЛОНЕ")**

В данной статье рассматриваются ключевые сюжетобразующие элементы повести Аркадия и Бориса Стругацких "Улитка на склоне" в призме одной из главных идей произведения – противопоставление бездушной бюрократической машины хаотичному бесконтрольному миру, свободному от человеческих законов. Сюжетные линии повести параллельно анализируются и сопоставляются, что дает возможность комплексной оценки авторского воплощения поднятой проблемы в условиях своеобразной аллегоризации и деконструкции. В результате последовательного и поэтапного мониторинга реакции главных персонажей на изменения в двух абсолютно противоположных мирах, делается вывод о непринятии авторами возможности существования того или иного мира ввиду их объективной нецелесообразности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/10/48.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 10 (28). С. 175-179. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/10/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

33. Salinger J. D. The Catcher in the Rye. СПб.: Антология, 2005. 256 p.
34. Saury J. M. The Phenomenology of Negation and Its Expression in Natural Language // Gothenburg Monographs in Linguistics 27. Göteborg University. Department of Linguistics, 2004. 346 p.
35. Steinbeck J. Tortilla Flat [Электронный ресурс]: мультязыковой проект И. Франка. URL: <http://www.franklang.ru> (дата обращения: 16.08.2013).
36. Tottie G. Much about Not and Nothing. A Study of the Variation between Analytic and Synthetic Negation in Contemporary American English. 1983. 75 p.

STRUCTURAL VARIANTS OF MONO- AND POLY-NEGATIVE SENTENCES (TYPOLOGICAL ASPECT)

Fairuzova Anzhela Rasulevna

Ufa State Petroleum Technological University
prettyangel86@mail.ru

The article discusses the typological aspect of the figuration of sentences with the generalized negation in the English and Russian languages, conducts the analysis of the principles of negative sentences construction, considers their classification on the basis of formal-semantic criteria, and also demonstrates the results of its application to the languages of different structures.

Key words and phrases: negative sentence; negator; sentence with generalized negation; negative / non-assertive generalizing member; mono- and poly-negative sentence.

УДК 882.8–312.9

Филологические науки

В данной статье рассматриваются ключевые сюжетобразующие элементы повести Аркадия и Бориса Стругацких «Улитка на склоне» в призме одной из главных идей произведения – противопоставление бездушной бюрократической машины хаотичному бесконтрольному миру, свободному от человеческих законов. Сюжетные линии повести параллельно анализируются и сопоставляются, что дает возможность комплексной оценки авторского воплощения поднятой проблемы в условиях своеобразной аллегоризации и деконструкции. В результате последовательного и поэтапного мониторинга реакции главных персонажей на изменения в двух абсолютно противоположных мирах, делается вывод о неприятии авторами возможности существования того или иного мира ввиду их объективной нецелесообразности.

Ключевые слова и фразы: бюрократизм; хаотичность; регламентация; аллегория; деконструкция.

Фролов Алексей Владимирович

Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского
daytonri@yandex.ru

АЛЛЕГОРИЗАЦИЯ СТРУКТУРИРОВАННОЙ СВЕРХРЕГЛАМЕНТИРОВАННОСТИ И ДЕКОНСТРУКЦИЯ БЕССИСТЕМНОСТИ В РАМКАХ ХУДОЖЕСТВЕННОГО НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКОГО МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ АРКАДИЯ И БОРИСА СТРУГАЦКИХ «УЛИТКА НА СКЛОНЕ»)®

Повесть братьев Аркадия и Бориса Стругацких «Улитка на склоне» (написана в 1965 году) при множественности вариаций трактовки ее ключевых идей, на наш взгляд, навсегда останется бездонным кладезем социально-философских метафор и предостережений, настолько глубоких и многоплановых, что возможность добраться до их сути может показаться задачей почти невыполнимой. Между тем, некоторые аспекты смыслового плана данной повести, представляющие собой сложнейшие идейно-сюжетные конструкции, направленные на комплексное осознание читателем той или иной проблемы, требуют для понимания сравнительно-сопоставительного анализа. Одним из таких аспектов является реализация понятий «сверхрегламентированность» и «бессистемность» на базе различных общественных и государственных институтов.

Иными словами, мы предполагаем попытку анализа повести «Улитка на склоне» с точки зрения структурного фундамента присутствующих в произведении миров – мира Управления, представляющего собой некое муниципальное образование, в котором отчетливо угадывается аллегория крайней степени бюрократизма, и мира Леса, явно противостоящего Управлению по всем параметрам и, без сомнения, является аллегорией абсолютного хаоса. Как эти миры взаимодействуют? Почему они созданы Стругацкими именно такими, какие они есть? На эти вопросы мы постараемся ответить в данной статье.

Строго говоря, в повести «Улитка на склоне» понятия «сверхрегламентированность» и «бессистемность», как образы двух противостоящих миров, прослеживаются на протяжении всего повествования, и читателю с самого начала становится ясно, что есть Управление, а что есть Лес. Два чуждых друг другу мира

являются, по сути, движущими векторами сюжета, завязанного на главных персонажах повести – Переце и Кандиде соответственно. Однако стоит отметить, что фактически эти два мира никогда не пересекаются, лишь некоторые элементы одного случайно или намеренно попадают в другой. Так в чем же сущность этих миров и что побудило Стругацких объединить в рамках одной повести два рассказа, которые изначально задумывались как самостоятельные произведения? Прежде чем приступить к более предметному рассмотрению данного вопроса, необходимо четко определить составные элементы рассуждения, а именно – сверхрегламентированность (мир Управления) и бессистемность (мир Леса).

Итак, регламент – это «совокупность правил, определяющих порядок работы государственных органов, учреждений, организаций» [5]. Так это слово определяют современные словари и энциклопедии. У В. Даля находим несколько более точное, на наш взгляд, определение, гораздо лучше подходящее для данного контекста: «Регламент – устав, порядок или правила какой-либо службы, разъясненные на письме. Регламентация – подчинение строгим и точным правилам, уставам» [1, с. 516]. Соответственно сверхрегламентированностью (словом, уже давно использующимся в активном русском языке, но до сих пор не занесенном ни в один словарь) можно назвать нецелесообразно скрупулезное подчинение правилам какого-либо процесса или организации. Логично, что это понятие носит скорее негативный оттенок.

С бессистемностью все несколько проще. Бессистемность – это «несвязанность элементов, отсутствие внутреннего единства» [Там же, с. 92]. Фактически бессистемность в большинстве случаев может выступать синонимом таких понятий, как беспорядочность и хаос. Иными словами, бессистемность – это организация без организации, это некий комплекс, лишенный всяких закономерностей, по которым могли бы существовать его отдельные элементы.

Теперь дополним вышеприведенные понятия. Структурированная сверхрегламентированность в данном контексте (мир Управления) будет представлять собой четко отлаженный бюрократический механизм, лишенный даже намека на проявление свободной воли и характеризующийся абсолютной невозможностью свершения действий, не оговоренных в уставе. Тогда аллегоризацию структурированной сверхрегламентированности можно определить как процесс возведения регламента в абсолют и доведения его, таким образом, до иррационального воплощения. Деконструкция бессистемности (мир Леса) будет в этом смысле уникальным подходом к определению отсутствия порядка при помощи разрушения классического стереотипа о хаосе как таковом. То есть, с одной стороны, мы имеем систему, живущую ради себя самой, при этом каждый элемент этой системы просто не мыслит для себя иного бытия (Управление). С другой стороны, нам представлен мир, которому в принципе не знакомы понятия системности и упорядоченности, для него существует лишь одна форма существования – хаос (Лес). В обоих случаях комплексные образы двух миров выглядят в высшей степени иррационально, но именно иррациональность позволяет гению Стругацких создать мощный дуалистический фон, на котором разворачиваются основные ветви сюжета – стремление Переца покинуть Управление и стремление Кандида выбраться из Леса. При этом «фон» не статичен, он живет своей собственной жизнью, осознать которую в полной мере не могут ни герои повести, ни читатель.

Впервые мы встречаемся с Управлением во время диалога Переца и Домарощинера в самом начале первой главы повести. Очевидно, что Домарощинер – неотъемлемая часть этого насквозь зарегламентированного чудовища под названием Управление. И хотя о самом «чудовище» мы еще ничего не знаем, из речи Домарощинера становится ясно, какова суть структуры, элементом которой он является: «Человек сидит у обрыва, - сказал он, - и рядом с ним сандалии. Неизбежно возникает вопрос: чьи это сандалии и где их владелец?» [2, с. 383]. И дальше: «Ведь туфлю отсюда увидеть нельзя – даже если она действительно там, а там ли она, это уже особый вопрос, которым мы займемся позже; а раз туфлю увидеть нельзя, значит, вы не можете рассчитывать попасть в нее камнем, даже если бы вы обладали соответствующей меткостью и хотели бы этого и только этого: я имею в виду попадание» [Там же]. Умозаключения Домарощинера вполне логичны, но они абсолютно не соответствуют нормальному человеческому мышлению. Ведь человек так не мыслит, так «думает» машина, последовательно анализируя доступную ей информацию, делая выводы и устанавливая приоритетные направления. Человек не спрашивает: «Чьи это сандалии и где их владелец?». Человек говорит просто «чьи это сандалии», бессмысленное уточнение «и где их владелец» в данном случае нецелесообразно. Но Домарощинер, как настоящая машина, учитывает все аспекты вопроса.

Кстати, любопытна этимология имени этого персонажа. Очевидно, что «Домарощинер» происходит от «доморощенный». В Толковом словаре русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова находим такое определение этого слова: «простой, грубый, не обладающий свойствами чего-нибудь подлинного, настоящего, примитивный» [3, с. 255]. Разве такое определение не подходит к «винтику» в бессознательном механизме некоего гоббсовского Левиафана? Очевидно, что так оно и есть. Поэтому совсем не зря Домарощинер носит столь колоритное имя.

В дальнейшем во всех главах повести, посвященных приключениям Переца, мы неизменно встречаем все больше и больше доказательств того, что Управление как раз и есть аллегория сверхрегламентированности, настолько же структурной, насколько и беспощадной. При этом последовательное усиление иррациональной составляющей будто бы готовит наше восприятие к некоему откровению, которое (как мы справедливо полагаем) ожидает героя в финале. Например, эпизод с телефонным звонком в третьей главе переводит проблему сверхрегламентированности, а вместе с ней и наше понимание этой проблемы, на абсолютно иной уровень: «Без пяти девять репродуктор внутреннего вещания хрюкнул и объявил беспольным голосом: «Всем работникам Управления находиться у телефонов. Ожидается обращение директора к сотрудникам.»

Менеджер стал очень серьезным, включил телефон, снял трубку и приложил ее к уху... Во всех окнах он успел увидеть сосредоточенно застывших людей с телефонными трубками...» [2, с. 444]. «Бесполой» голос репродуктора, «сосредоточенно застывшие люди с телефонными трубками в руках» - все это символы усредненности, замятинского коллективного «мы». Это символы идеального машинного производства, где все подчинено одной четкой программе, единому регламенту, просчитанному до мелочей.

При этом Перец, охваченный внезапной паникой и страхом оттого, что он, быть может, вновь упускает что-то важное (правда, неясно для кого это важно – для Управления или для него самого?), на поверку оказывается не таким уж отличным от остальных. Ведь он тоже стремится взять телефонную трубку, как ему было приказано (неизвестно кем). И он эту трубку берет, не смотря ни на что.

Но как бы иррационален ни был описываемый Стругацкими мир, он дает нам абсолютно реальное и вполне адекватное представление обо всех минусах подобной системы. Кульминацией авторской мысли в данном эпизоде, без сомнения, являются слова, которые Перец услышал в «не своей» телефонной трубке: «...Управление может реально распоряжаться только ничтожным кусочком территории в океане леса, омывающего континент. Смысла жизни не существует и смысла поступков тоже» [Там же, с. 445]. Казалось бы, что тут можно добавить? Но встреча Перца с «говорящими машинами» намекает на то, что все здесь обстоит гораздо сложнее, чем нам могло бы показаться. И оказывается, что в мире Управления есть два типа машин: люди, стремящиеся стать машинами и почти ставшие ими, и машины, которые не то, чтобы стремятся стать людьми, но, как минимум, ведут себя, как люди.

Вдвойне любопытно следить за размышлениями этих «говорящих машин», когда они так живо обсуждают людской мир: «Вон они ходят вокруг меня со своими большими внутренностями, со своими саркомами, с восхитительными свищами, с аппетитнейшими аденоидами, с обыкновенным, но таким увлекательным кариесом, наконец! Давайте говорить откровенно. Они мешают, они не дают работать. Я не знаю, в чем тут дело, может быть, они издают какой-нибудь особый запах или излучают неизвестное поле, но, когда они находятся рядом со мной, у меня начинается шизофрения...» [Там же, с. 572].

И ведь здесь говорится не о каком-то банальном бунте роботов или андроидов. Здесь Стругацкие поднимают тему «очеловечивания» машин на фоне преобразования самого человека в механизм. И предваряется эта мысль размышлениями самого Перца: «Хорошо бы здесь остаться навсегда, - подумал он. - Раз уж мне не уйти на Материк, останусь здесь навсегда. Подумаешь, машины! Все мы машины. Только мы – испорченные машины или плохо отлаженные...» [Там же, с. 569] Так Перец окончательно идентифицирует себя. И читателю становится ясно, почему этот человек не может покинуть Управление. Дело в том, что Перец – органическая часть этой системы, не могущая отделиться от себя самой. Перец – машина, такая же, как и остальные – Домарощинер, Тузик, Алевтина. Только Перец – машина, давшая сбой. Хотя в итоге внутренние ресурсы системы устраняют проявившийся дефект посредством перекалибровки сбойного кластера. И Перца определяют директором Управления.

Таким образом, жестокий и методично усиливающийся иррационализм глав, посвященных Перцу, вкупе с абсурдностью некоторых эпизодов рисует нам поистине ужасающую аллегорическую сверхрегламентированности, итогом восприятия которой должна стать, на наш взгляд, лишь одна мысль – такой путь не приемлем для человечества. Стругацкие не просто рисуют фантастическую и, вместе с тем, глубокую сатиру на бюрократическую систему Советского Союза. Писатели создают мир, в котором и мы легко можем оказаться, если забудем о морали и творчестве, о свободной мысли и духовных идеалах. Этот мир подобен дантовскому Лимбу, ибо он в равной степени лишен как радости, так и страдания. Здесь нет вообще ничего, кроме неумолимого производственного процесса, производящего непонятно что и непонятно для кого.

У поднимаемого братьями Стругацкими вопроса есть и обратная сторона. Бессистемность, хаос, анархия – все, к чему может привести бесконтрольность и попустительство. Об этом рассказывает другая группа глав повести, посвященная Кандиду. Здесь сюжет разворачивается в рамках абсолютно иной концепции, которая диаметрально противоположна парадигме Управления.

Теперь мы смотрим на мир глазами бывшего сотрудника Управления, потерявшего память и фактически ассимилировавшегося в Лесу, некоем мире, который, на наш взгляд, воплощает в себе максимум творческой свободы. В Лесу все не так, как в обычном человеческом мире. В Лесу можно питаться одной лишь землей, которая, очевидно, содержит весь перечень органических и минеральных веществ, необходимых человеку для полноценной жизни. В Лесу можно жить в домах из земли, спать на земле, не боясь простудиться. Быть может, именно поэтому технический прогресс здесь остановился на уровне каменного века. При этом Кандид, по всей вероятности, провел тут слишком много времени, раз ему с трудом удается вспомнить даже самые простые предметы из его «прошлой» жизни: «...Кандид увидел в ее грязном полураскрытом кулаке тонкий блестящий предмет. Сначала он не понял, что это такое, и только вдруг вспомнил странный полусон этой ночи и свой страх, и свое облегчение оттого, что не произошло чего-то ужасного. А потом до него дошло, что это за предмет, и даже название его всплыло в памяти. Это был скальпель. Он подождал немного, проверяя соответствие формы предмета звучанию этого слова, сознавая вторым планом, что все правильно, но невозможно, потому что скальпель своей формой и своим названием чудовищно не соответствовал этому миру» [Там же, с. 519]. То есть, даже осознав, что за предмет он видит, Кандид внутреннее не может принять его, не может сопоставить часть и целое.

Лес свободен от стереотипов и любых человеческих и нечеловеческих законов. Здесь даже опасности необычные – мертвяки, странные человекоподобные создания с горячей, как пламя, кожей, трава и грибы,

в считанные часы поглощающие целые деревни. Люди в Лесу тоже странные и при этом простые до глупости. Казалось бы, неисчерпаемые пищевые ресурсы (а быть может, и не только пищевые) могли бы помочь этой цивилизации эволюционировать до невысказанных пределов в кратчайшие сроки. Но жители Леса, кажется, лишь все сильнее деградируют. Их мыслительные процессы дедуктивны и последовательны, но, вместе с тем, нерациональны и, что важнее, приводят к нецелесообразным и бесполезным выводам. Яркой демонстрацией этого тезиса может послужить монолог Навы во время их путешествия с Кандидом: «Ну так и что же? – сказала Нава, удивившись. – Ты какой-то странный, Молчун. Что же мне тебе еще рассказывать? Я больше ничего не помню и не знаю. Не стану же я тебе рассказывать, как мы с тобой на прошлой неделе рыли погреб, ты же это и сам все видел. Вот если бы я рыла погреб с кем-нибудь другим, с Колченогом, например, или с Болтуном... - Она вдруг остановилась. – А знаешь, Молчун, это даже интересно. Расскажи ты мне, как мы с тобой на прошлой неделе рыли погреб, мне еще никто об этом не рассказывал, потому что никто не видел...» [Там же, с. 457]. Разве может у нормального человека родиться такое умозаключение? Очевидно, нет.

Кстати говоря, жителей Леса отлично характеризуют их имена. Колченог, Болтун, Молчун – это даже не имена, а клички, которые эти люди получили на основе какой-либо отличительной черты. Например, Кандида прозвали Молчуном потому, что этот персонаж в сравнении с остальными наименее словоохотлив. И только девушка с необычным именем Нава выделяется из этого ряда. «Нава» в переводе с санскрита означает «девять». В эзотерике 9 – число духа, число одухотворенного человека, просветленного, поднявшегося над оковами физического бытия. Вероятно, Стругацкие неспроста таким именем окрестили юную спутницу Кандида. Ведь в итоге Нава оказывается дочерью неких «матерей», женщин-некроманток, способных повелевать не только природными стихиями, но даже законами жизни и смерти. Их Кандид-Молчун встречает в самом конце своего путешествия:

«- А что вам нужно? – спросил Кандид.

- Что нам нужно... Мужья нам, во всяком случае, не нужны. – Она перехватила взгляд Кандида и презрительно засмеялась. ...- На что же ты годеи? Скажи мне, козлик, что ты умеешь?

Что-то было за всеми ее словами, за ее тоном, за ее пренебрежением и равнодушной властью, что-то важное, что-то неприятное и страшное, но определить это было трудно, и Кандид только почему-то вспомнил черные квадратные двери и Карла с двумя женщинами – такими же равнодушными и властными» [Там же, с. 552].

В этом эпизоде некоторые советские критики усматривали женоненавистнические тенденции. И хотя очевидно, что никаких феминистских настроев здесь быть попросту не может, вполне логичен вопрос – почему на роль столь колоритных «славных подруг» были выбраны именно женщины? Почему не мужчины или представители обоих полов? Вероятно, все дело в символизме женщины как эзотерического образа. Ведь женщина – символ двойственности, изменчивости окружающего мира, это символ творчества и постоянного изменения. В уже упомянутом санскрите женщине соответствовало слово «маяй», обозначающее море иллюзий. Но в отличие от мужчины, женщина может не только забирать жизнь, но и дарить ее. В метафизическом плане женщина – универсальный андрогин, манифестация творца.

Видимо, именно поэтому в роли «повелительниц Леса», владычиц этого странного, во многом даже безумного мира, выступают именно женщины, в которых природой заложен инстинкт созидания. Но в итоге оказывается, что безграничная власть, выраженная в абсолютной свободе, отнюдь не делает своего обладателя лучше. Конечно, отсутствие всяких ограничений и вытекающая из этого возможность свободного экспериментирования просто обязаны в кратчайшие сроки подбросить науку на несколько уровней вверх (если, конечно, какой-нибудь эксперимент не станет для человечества последним). Очевидно, с цивилизацией «славных подруг» именно это и произошло. Но какой ценой им далась практически беспредельная власть над окружающим миром? Мертвяки, рукоеды и прочая мерзость Леса, существующая в этом хаотичном, иррациональном мире, вряд ли может вызвать у читателя симпатию. Да и сами «славные подружки» не выглядят притягательно:

«- Умел когда-то, - повторила она. – Прикажи этому дереву лечь!

Кандид посмотрел на дерево. Это было большое толстое дерево с пышной кроной и волосатым стволом. Он пожал плечами.

- Хорошо, - сказала она. – Тогда убей это дерево... Тоже не можешь? Ты вообще можешь делать живое мертвым?

- Убивать?

- Не обязательно убивать. Убивать и рукоед может. Сделать живое мертвым. Заставить живое стать мертвым. Можешь?

- Я не понимаю, - сказал Кандид.

- Не понимаешь... Что же вы там делаете на этих Белых Скалах, если ты даже этого не понимаешь? Мертвое живым ты тоже не умеешь делать?» [Там же, с. 553].

Так что же за сила сосредоточена в руках этих женщин, которые вольны повелевать природой по собственному усмотрению? Причем, не так как мы, посредством технических достижений, а всего лишь словами. Ответа на этот вопрос мы, к сожалению, так и не узнаем. Хотя, думается, для сюжета он не имеет никакого значения.

Важнее то, что мир Леса, свободный от правил и ограничений, не признающий ни законов, ни регламентов, выглядит совсем не лучше механистического ада Управления. Деконструкция абсолютной свободы, показанная Стругацкими на примере «лесного» мира, настолько же далека от понятия «нормальное общество»,

как и Управление, представляющее собой бессмысленно сверхрегламентированную структуру. В итоге, фантасты подводят нас к мысли о том, что для человеческой расы в целом очень важно придерживаться «золотой середины», сковывая общество рамками разумных правил и ограничений с одной стороны, и давая ему возможность мыслить и действовать свободно – с другой. В противном случае, при гипертрофированной регламентации (Управление) мы получим настоящее безумие, где место эмоций займут беспощадные логические цепи, а апофеозом свободной воли станет инициатива с предложением повышения КПД организации через введение ряда новых ограничений. При абсолютной свободе (Лес) человечество превратит себя в армию высокомерных созданий, напрочь лишенных морали и забывших о том, что окружающий мир существует не только для удовлетворения их собственных потребностей.

Что хуже? Это один из тех вопросов, к которым Стругацкие подводят нас на протяжении всей повести. Хотя ответ очевиден – ни один из приведенных вариантов не подходит для нас, ибо ведет человечество к вырождению. Думается, по замыслу авторов, миры Переца и Кандида должны стать показателем того, по каким путям нам не нужно идти. Лишь технический прогресс, умеренно ограниченный рамками морали и чести, а также четкая система законности, построенная на нерушимом фундаменте из справедливости и гуманности, совокупно могут стать залогом стабильного развития нормального общества. В таком обществе человек будет свободен в выборе занятия, но от противоправных и опасных действий его будет ограждать грамотно выстроенная система законов.

Разве не к такому миру мы стремимся? Разве этот мир выглядит настолько утопично, что не может быть воплощен? Но почему тогда мы все еще топчемся где-то у самого подножья великой пирамиды сбалансированного прогресса? Братья Стругацкие не дают четкого решения. Но на примерах Управления и Леса они показывают, как мы не должны поступать. В то же время созданные ими миры достаточно пугающие, чтобы дать нам пищу для размышления и помочь перевести вопросы о глобальном прогрессе из разряда «вечных» в разряд «актуальных». При этом гений великих фантастов верит, что мы сами найдем ответ, что к нам в будущем нельзя будет применить фразу, которой Кандид охарактеризовал жителей Леса: «Обреченные, несчастные обреченные. А вернее – счастливые обреченные, потому что они не знают, что обречены» [Там же, с. 612].

Список литературы

1. **Даль В.** Толковый словарь живого великорусского языка. Современное написание: в 4-х т. М.: АСТ; Астрель, 2004. Т. 4. Р-Я. 1152 с.
2. **Стругацкий А., Стругацкий Б.** Пикник на обочине. Отель «У погибшего альпиниста». Улитка на склоне. М. - СПб.: АСТ; Астрель; Terra Fantastica, 2012. 619 с.
3. **Ушаков Д.** Большой толковый словарь русского языка. М.: Астрель, 2009. 1280 с.
4. **Холл М.** Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии. М. – СПб.: Эксмо; Мидгард, 2007. 864 с.
5. <http://ru.wikipedia.org>

ALLEGORIZATION OF STRUCTURED EXTRA DUE PROCESS AND DECONSTRUCTION OF NONSYSTEM WITHIN THE FRAMEWORK OF ARTISTIC SCIENCE FICTION WORLD (BY THE MATERIAL OF TALE “THE SNAIL ON THE SLOPE” BY ARKADII I BORIS STRUGATSKIE)

Frolov Aleksei Vladimirovich

*Bryansk State University named after academician I. G. Petrovskii
daymonri@yandex.ru*

The article considers the key plot formative elements of the tale “The Snail on the Slope” by Arkadii and Boris Strugatskii in terms of one of the work main ideas – the opposition of soulless bureaucracy apparatus to uncontrolled chaotic world, free of human laws. The storylines of the tale are analyzed and compared in parallel, which enables the comprehensive estimation of author’s incarnation of the problem raised under conditions of peculiar allegorization and deconstruction. As a result of consistent and gradual monitoring of main characters’ reaction to the changes in two totally opposite worlds, the conclusion about authors’ non-acceptance of the possibility of one or another world existence in view of their objective inexpediency is made.

Key words and phrases: bureaucracy; chaotic character; regulation; allegory; deconstruction.